

ГОДЪ

XXXIX.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 14.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1898 года, апрѣля 5-го.

Содержаніе: Радость въ день свѣтлаго Христова воскресенія.—Размы-
шленіе о воскресеніи Христовомъ.—Святая и духовная жизнь, какъ
начало воскресенія.—О благоговѣйномъ стояніи въ церкви во вре-
мя богослуженія.—Изъ путевыхъ разговоровъ.—Воззваніе.

Радость въ день свѣтлаго Христова воскресенія.

Господь нашъ воскресъ отъ смерти тѣлесной, а мы вос-
кресли съ Нимъ отъ смерти духовной; Его воскресеніе вос-
кресило людей, мертвыхъ по своимъ пресгупленіямъ, обра-
тивъ къ святой жизни христіанской нечестивыхъ язычниковъ
и суевѣрныхъ іудеевъ. Въ блаженныя времена первыхъ хри-
стіанъ, когда *у множества уврѣовавшихъ было одно сердце
и одна душа* (Дѣян. 4, 32) и когда апостолы съ великою
силою свидѣтельствовали о воскресеніи Господа Иисуса Хри-
ста (33), можно было наглядно видѣть правоту сей исти-
ны,—видѣть, что вѣра въ воскресеніе Христова даетъ новую

жизнь людямъ, прежде умерщвленнымъ грѣхами. Впрочемъ и въ настоящее время, не смотря на ослабленіе христіанскихъ нравовъ, нынѣшній великій и святой день воскресенія продолжаетъ изъ года въ годъ удѣлять и намъ, грѣшнымъ людямъ, свѣтлыя лучи святой жизни Христовой, участвовать въ Его воскресеніи, имѣть *тѣ-же чувстваванія, какія во Христвѣ Исусѣ* (Фил. 2, 5).

Поистинѣ, воскресеніе Христово освобождаетъ сыновъ нашего маловѣрнаго вѣка отъ тѣхъ грѣховъ, которые въ обычное время удаляютъ ихъ отъ жизни Христовой и дѣлаютъ мертвыми для святыхъ дѣлъ. Таковъ грѣхъ маловѣрія и холодности къ истинамъ евангельскимъ и къ заповѣдямъ Божиимъ. Но въ сей день пасхальный вѣра, надежда и любовь освѣщаютъ своимъ духовнымъ свѣтомъ даже тѣ закрубѣлыя въ страстяхъ и въ черствомъ себялюбіи лица человѣческія, которыя не показываются въ храмахъ Божіихъ въ прочіе дни года, которыя не хотятъ знать четвертой заповѣди Божіей. А сегодня они говорятъ въ отвѣтъ священнику: „воистину воскресе Христосъ!“ говорятъ, и въ это время отъ души вѣруютъ воскресенію, хотя быть можетъ вчера еще сомнѣвались въ немъ, отвергали его.

Второй великій грѣхъ нашего вѣка есть грѣхъ гордыни. Вѣкъ нашъ хвалится отмѣной рабства, уравненіемъ сословій, но на самомъ дѣлѣ никогда въ христіанскихъ народахъ не было такого внутренняго разобщенія по сословіямъ, по состоянію, по степени образованія, такой внутренней замкнутости и черствости, какъ теперь, когда люди стали смотрѣть на другихъ лишь, какъ на средства къ достиженію своего благополучія или, наоборотъ, какъ на препятствія по пути себялюбія и корысти. Но приходитъ день воскресенія Христова, и вотъ господинъ обращается къ слугѣ своему съ братскимъ цѣлованіемъ, тщеславный искатель узнаетъ, что есть еще другая жизнь на землѣ, кромѣ личнаго благополучія; священныя слова церковныхъ пѣснопѣній проводятъ на его оваменѣломъ сердцѣ невѣдомыя въ другое время бо-

розды, и онъ старается хоть кому—нибудь сказать слово безкорыстнаго дружелюбія, хоть гдѣ—нибудь совершить дѣло любви, слыша гимнъ Церкви: „другъ друга обьемемъ! простимъ вся воскресеніемъ!“

Третій грѣхъ нашего вѣка порожденъ вторымъ. Гордыня порождаетъ замкнутость, а послѣдняя производитъ то дикое явленіе современности, что у насъ стыдятся не грѣха, не разврата и мстительной злобы, но стыдятся любви братской и вообще всякой искренности, всякой простоты, за которую младенцамъ обѣщано первенство въ царствѣ небесномъ. Подчиняясь этому безобразному обычаю вѣка, даже добрые, сердечные люди нашего времени иногда ограничиваются холодною вѣжливостью въ своихъ отношеніяхъ къ ближнимъ, и слова любви и утѣшенія рѣдко раздаются теперь на грѣшной землѣ. Но и эту кору замкнутости и ложнаго стыда разрываетъ вынѣ Тотъ, Чья сила отбросила *велий зло* камень отъ дверей Своего гроба. Люди сердечные и добрые въ этотъ день смѣло открываютъ сердце свое ближнимъ, а люди суровые и сухіе уже не смѣютъ ихъ оборвать грубой насмѣшкой, ибо и они чувствуютъ, что настало царство любви и христіанскаго ликоеанія, день общаго братства во Христвѣ, когда исполняется слово апостола: *будьте братолюбивы другъ къ другу съ нѣжностью* (Римл. 12, 10), и другое: *облекитесь, какъ избранніи Божіи, святые и возлюбленные, въ милосердіе, благодать, смиренномудріе, кротость, долготерпѣніе, снисходя другъ къ другу и прощая взаимно.... И да владычествуетъ въ сердцахъ вашихъ миръ Божій, къ которому вы и призваны въ одномъ тѣлѣ, и будьте дружелюбны* (Кол. 3, 12—16).

Какъ была бы угодна Богу жизнь христіанъ, еслибы она охраняла всегда тѣ мысли и чувства, которыми богата бываетъ въ день пасхальный! Кажется никакимъ имуществомъ, ни чиномъ, ни славою, ни инымъ сокровищемъ не должны бы мы дорожить такъ, какъ храненіемъ тѣхъ даровъ любви и вѣры, которые воздаетъ чамъ не по нашимъ заслугамъ, но по Своей милости Спаситель нашъ, воскресшій отъ гроба.

Кто не хранитъ царскаго подарка? кто не дорожить дозволенною царемъ близостью къ его особѣ? Не больше ли того должны мы дорожить дарованнымъ намъ приближеніемъ къ Христу, привѣтствіемъ Его святыхъ устъ, сказаннымъ къ ученикамъ Его, а чрезъ нихъ и ко всѣмъ намъ: радуйтесь Моему воскресенію.

Но увь, радость эта даже и въ сей день готова омрачиться, лишь мы подумаемъ о томъ, какъ мало дорожатъ ею христіане. Исавъ продалъ первородство свое за чечевичную похлебку, а христіане продаютъ радость воскресенія Христова и своего воскресенія въ Немъ за радость объяденія, опьяненія, разсѣянія! Приходитъ второй день св. Пасхи и многихъ застаютъ уже лишенными благодатнаго дара вѣры, любви и молитвы, пьяными, сонными и осквернившимися. Итакъ вновь они умираютъ Богу, пока снова не возбудитъ ихъ прикосновеніе десницы Божіей, но уже не радостное, а по большей части вразумляющее несчастіями и карами. Но спросите, какъ научиться сохранить залогъ духа, удержать святыхъ чувства пасхальнаго дня, възгрѣвать радость, любовь и вѣру? Стоитъ спросить объ этомъ. Если хозяинъ, котораго грабятъ разбойники, ни о чемъ не думаетъ, какъ о томъ, чтобы спасти хотя часть имущества, то не удивительно-ли, что многіе изъ христіанъ, быть можетъ, впервые спрашиваютъ о томъ, какъ спасти отъ разграбленія духовными врагами сокровище вѣры и общенія со Христомъ въ молитвѣ. Наука эта великая, но не мудревая. Вотъ ты въ сей день силенъ Христомъ и можешь побивать невидимыхъ враговъ твоихъ. Потрудись же прежде всего узнать, кто они и откуда на тебя нападаютъ. Тогда узнаешь ты свою главную страсть, какова она: блудъ, или пьянство, или тщеславіе, или зависть, или лѣнь, или лживость. Сообразишь ты и наиболѣе опасныя для тебя обстоятельства—встрѣчи или одиночества, или пиршества, или приобрѣтенія. Поразмысливъ о тѣхъ страстяхъ и обстоятельствахъ, которыя тебя удаляютъ отъ благого, сладчайшаго Исуса, спроси, что цѣннѣе: Онь-ли,

Спаситель нашъ, или тотъ скверный порокъ, которому служилъ ты? И какъ спросишь себя объ этомъ въ день сей, то возненавидишь свой порокъ. Эго уже половина побѣды, а другую половину начнешь ты довершать, если теперь хотя малый нѣкій подвигъ совершишь къ уничтоженію врага твоего, напр., если ты скупъ—и пожертвуешь часть своего достоянія; если склоненъ къ пьянству—и пробудешь трезвымъ въ дни сіи; если раздражителенъ—и не отвѣтишь зломъ на обиду. Таковъ отвѣтъ на вопросъ твой о томъ, какъ хранить въ сердцѣ своемъ радость воскресенія.

Но достигну-ли я такъ этой цѣли? спросишь ты съ сомнѣніемъ. вмѣсто отвѣта вотъ что расскажемъ тебѣ. Не въ далекой странѣ и не въ отдаленное время, а на нашей св. Руси, въ нынѣшнемъ 19 вѣкѣ жилъ извѣстный всѣмъ старецъ Серафимъ Саровскій, который съ молодости велъ брань противъ страстей своихъ. И вотъ онъ, еще будучи въ этомъ бременномъ тѣлѣ, за много лѣтъ до своей кончины, приобрѣлъ такой духъ, что круглый годъ постоянно, подобно ангеламъ Божиимъ, воспѣвалъ воскресеніе Христова. Для него всегда была Пасха, и всѣхъ, приходившихъ къ нему, во всѣ дни года онъ привѣтствовалъ словами: Христось воскресъ! Такъ и мы будемъ знать, что Христось воскресъ для насъ не на одинъ день, а на всю жизнь, что *Христось, воскресши изъ мертвыхъ, уже не умираетъ: смерть уже не имѣетъ надъ Нимъ власти, ибо что Онъ умеръ, то умеръ однажды для грѣха, а что живетъ, то живетъ для Бога. Такъ и вы, почитайте себя мертвыми для грѣха, живыми же для Бога во Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ* (Рим. 6, 9—11).

Епископъ Антоній.

Размышленіе о воскресеніи Христовомъ.

Чтобы тверже и глубже запечатлѣть въ душахъ христіанъ мысль о воскресеніи Христовомъ, вселенская Церковь, помимо годоваго празднества свѣтло-пасхальнаго, постановила еще посвящать воспоминанію спасительнаго событія—воскресенія Христова первый день каждой седмицы. По времени происхожденія праздникъ воскресенія Христова былъ первымъ въ христіанской Церкви; по важности своей онъ между всѣми другими христіанскими праздниками—тоже, что солнце между свѣтилами небесными. Въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ пасхальныхъ сей праздникъ называется „праздникомъ праздниковъ“, „торжествомъ торжествъ“, „предначатиемъ праздника вѣчнаго блаженства“. Такое высокое понятіе св. Церкви о воскресеніи Спасителя вполне согласуется съ внутреннимъ чувствомъ всѣхъ христіанъ: ни одно изъ славныхъ событій въ земной жизни Спасителя не производитъ на нашу душу столь могущественнаго дѣйствія, какъ воскресеніе Христово; ни одинъ изъ праздниковъ христіанскихъ не наполняетъ нашей души такимъ живымъ восторгомъ, такою высокою духовною радостію, какъ свѣтло-пасхальное празднество. Почему же воскресеніе Христово столь могущественно и вмѣстѣ столь благотворно дѣйствуетъ на христіанина? потому, что оно лежитъ въ основаніи и собственнаго нашего духовнаго воскресенія.

Страданія и смерть Іисуса Христа примирили насъ съ Богомъ и возвратили намъ право на блаженство, потерянное грѣхопадениемъ первыхъ людей. Но этого одного не достаточно для успокоенія нашей надежды. Гдѣ же ручательство въ томъ, что мы воспользуемся нѣкогда этимъ правомъ? Безъ несомнѣнной увѣренности въ немъ христіанинъ предался бы чувственнымъ удовольствіямъ и отложилъ бы всякую борьбу съ грѣхомъ; смерть приводила бы его въ отчаяніе и еще болѣе располагала бы искать утѣшенія въ одномъ

настоящемъ. *Почто и мы бѣды приедемъ на всякъ часъ?* повторялъ бы христіанинъ слова апостольскія: *какая ми польза, аще мертвіи не возстанутъ? да ямы и пѣлы, утрѣ бо умремъ* (1 Кор. 15, 30, 32). Но воскресеніе Христово успокоило нашу надежду и разрѣшило всѣ наши сомнѣнія: оно побѣдило смерть, обезпечило будущее наше воскресеніе для жизни вѣчной и тѣмъ вложило въ насъ сильное побужденіе сохранять чистоту жизни. Потому-то среди разрушенія истинный христіанинъ остается непоколебимымъ. Онъ знаетъ, что *по-неже челоукомъ смерть бысть, и челоукомъ воскресеніе мертвыхъ. Якоже бо о Адамъ вси умираютъ: такоже и о Христъ вси оживутъ* (ст. 21, 22). Восресеніе Христово проясняетъ самый взглядъ вѣрующаго христіанина на видимую природу. Невѣрующій видитъ въ природѣ одно только разрушеніе, одну смерть; христіанинъ примѣчаетъ вездѣ обновленіе, а не разрушеніе, переходъ отъ смерти къ жизни, а не уничтоженіе. Существо, исчезающее для глазъ невѣрующаго, въ глазахъ христіанина принимаетъ только новый и притомъ совершеннѣйшій видъ. Христосъ есть *первороденный изъ мертвыхъ* (1 Кор. 15, 20); смерть побѣждена имъ, и вслѣдъ за Нимъ должны воскреснуть къ новой жизни всѣ умершіе. При такомъ взглядѣ на смерть и жизнь челоуческая получаетъ высокое значеніе, опредѣленную цѣль, къ которой челоукъ неумоимо долженъ стремиться. Удовольствія и блага жизни перестаютъ для челоука быть предметомъ постоянныхъ стремленій и желаній: будущая жизнь съ ея вѣчнымъ блаженствомъ—вотъ что дѣлается постояннымъ предметомъ его помысловъ и стремленій. Зная, что настоящая жизнь есть только приготовленіе къ будущей, онъ пользуется первою сообразно съ указаніями Слова Божія, какъ единственнаго руководителя къ достиженію жизни вѣчной. Такимъ образомъ, воскресеніе Христово, осуществляя наши надежды на собственное наше будущее воскресеніе и блаженство, становится вмѣстѣ съ тѣмъ твердымъ началомъ нашей нравственной дѣятельности, изъ котораго истекають

всѣ благородныя стремленія христіанина. Потому-то ап. Павелъ въ ученіи о воскресеніи мертвыхъ видѣлъ сильнѣйшее побужденіе къ святой христіанской жизни. Преподавъ въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ ученіе о воскресеніи мертвыхъ, какъ о необходимомъ слѣдствіи воскресенія Христова, онъ обращается къ нимъ съ нравственными наставленіями: *тѣмже, братія моя возлюбленная, тверди бывайте, непоступни, избыточествующе въ дѣль Господни всегда, видяще, яко трудъ вашъ нѣсть тщъ предъ Господемъ* (15, 58).

Осуществивъ наши надежды на будущую жизнь и вѣчное блаженство, воскресеніе Христово открыло намъ и средство, которымъ достигается это блаженство со Христомъ. Средство достигнуть блаженной вѣчности о Христвъ есть любовь. Воскресеніе Христово есть откровеніе царства любви и мира; всѣ дѣйствія Воскресшаго дышатъ любовію; всѣ слова Его—слова мира и любви; всѣ явленія Его по воскресеніи—олицетворенная проповѣдь о любви. Непримиримые враги Господа, приставившіе стражу ко гробу Его, и стража, находившаяся при гробѣ, первые испытали на себѣ силу любви Воскресшаго изъ гроба. Вѣсть о воскресеніи Господа, достигшая враговъ Его, не была для нихъ смертнымъ приговоромъ, въ наказаніе за ихъ злобу и нечестіе. Стражи, служившіе орудіемъ нечестія и злобы, хотя и пали, какъ мертвые, на землю при возстаніи Иисуса изъ гроба, остались въ живыхъ. Такъ Господь нашъ и въ униженіи, и въ славѣ одинаково любилъ враговъ своихъ, съ истинно божественнымъ милосердіемъ спусходя къ ихъ заблужденіямъ и жестокосердію. Въ явленіи воскресшаго Господа женамъ-мироносицамъ заключается новый многозначительный урокъ любви. Въ самомъ дѣлѣ, почему благочестивыя жены первыя удостоились лицезрѣнія воскресшаго Живнодавца? Потому что въ сердцахъ ихъ пылалъ тотъ священный огонь любви, который Господь, въ теченіе всей Своей земной жизни, словомъ и примѣромъ старался возжечь въ людяхъ. Въ бесѣдѣ съ мироносицами Господь явилъ имъ новый знакъ Боже-

ственной любви, назвавъ учениковъ братьями,—учениковъ, которые омрачили свѣтлыя минуты воскресенія невѣриемъ свидѣтельству женъ-мироносицъ. Многократныя явленія Иисуса Христа, по воскресеніи, апостоламъ проникнуты тѣмъ же чувствомъ любви. Во всѣхъ рѣчахъ Господа къ апостоламъ, по воскресеніи, опять явственно слышится голосъ любви Христовой, прощающей ученикамъ ихъ ослѣпленіе, ищущей пробудить въ нихъ чувство вѣры, заглушенное страхомъ и сомнѣніемъ. Но вполне выразилась всеобъемлющая любовь Христова въ повелѣніи, данномъ апостоламъ при явленіи Его на горѣ Галилеи. *Идите, сказалъ Господь ученикамъ: научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Матѳ. 28, 19). До воскресенія Христова проповѣдь Евангелія ограничивалась тѣсными предѣлами одной іудейской земли; а по воскресеніи апостолы получили повелѣніе разнести сокровища ея ко всѣмъ народамъ, чтобы всѣ могли наслаждаться духовными благами, соединенными съ ея принятіемъ. Показавъ образецъ столь великой, безконечной любви къ апостоламъ и ко всѣмъ людямъ, воскресшій Господь хотѣлъ примѣромъ Своимъ возбудить и въ насъ ту же святую любовь къ Себѣ Самому и къ нашимъ ближнимъ. Впрочемъ, воскресеніе Христово само въ себѣ заключаетъ величайшее побужденіе для насъ—возлюбить Воскресшаго, потому что Онъ воскресъ для насъ, для нашего спасенія: Его воскресеніе внушаетъ намъ несомнѣнную надежду на собственное будущее наше воскресеніе и блаженство, оно подкрѣпляетъ насъ на трудномъ пути добродѣтели. При одномъ изъ Своихъ явленій Господь сказалъ ученикамъ: *примите Духъ Святъ*. Въ этихъ словахъ, обѣщающихъ вѣрующимъ дары Духа Святаго, не заключается ли новаго для насъ побужденія возлюбить Господа? Никакой отецъ, какъ бы чадолюбивъ онъ ни былъ, не въ состояніи оставить вѣж-нолюбимымъ дѣтямъ своимъ такого наслѣдства, какое мы пріяли отъ воскресшаго Господа.

Но возлюбивъ Того, Кто *преданъ бысть за прегрѣшенія наша и воста за оправданіе наше* (Римл. 4, 25), мы должны

возлюбить и другъ друга. Самъ воскресшій Господь побуждалъ апостоловъ, а въ лицѣ ихъ и всѣхъ насъ, къ взаимной любви, когда, являясь имъ по воскресеніи Своемъ, всякій разъ привѣтствовалъ ихъ словами: *миръ вамъ!* Безъ любви къ ближнему мы не можемъ воспользоваться спасительными благами, какія дарованы намъ воскресеніемъ Христовымъ. *Не любяи брата пребываетъ въ смерти* (1 Иоанн. 3, 14). Это значитъ, что безъ любви къ ближнему мы не можемъ воскреснуть для вѣчной блаженной жизни со Христомъ. Царство славы, гдѣ воскресеніемъ Христовымъ уготовано намъ вѣчное блаженство, есть царство любви; всѣ блаженные души, составляющіе это царство, одушевлены духомъ любви къ Богу, другъ къ другу и къ людямъ. Какъ же можетъ обитать и блаженствовать въ этомъ царствѣ любви тотъ, кто во время земной жизни питалъ ненависть къ ближнему? Мало того: христіанинъ, не имѣющій любви къ ближнему, не только не достоинъ наслаждаться вѣчною блаженною жизнію со Христомъ, но не заслуживаетъ и имени христіанина. Любовь должна составлять отличительный признакъ духовнаго, благодатнаго царства, основаннаго Иисусомъ Христомъ на землѣ, равно какъ и всѣхъ вѣрующихъ во Христа, составляющихъ это царство. *О семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте*, заповѣдуетъ намъ Спаситель, *аще любовь имате между собою* (Иоанн. 13, 35). Событіе воскресенія Христа, даровавшее намъ величайшія земныя и небесныя блага, по самому существу своему есть событіе радостнѣйшее. Всякій изъ насъ, празднуя воскресеніе Христова, чувствуетъ въ душѣ своей неизъяснимый восторгъ. Совмѣстно ли съ сладкимъ чувствомъ радости горькое чувство вражды и ненависти къ ближнему?

Пусть же любовь и миръ, наполняющіе сердца наши въ свѣтлый праздникъ воскресенія Христова, одушевляють насъ и во всю земную нашу жизнь: въ нихъ—вѣрное обезпеченіе блаженной жизни нашей въ вѣчномъ царствѣ Христовомъ.

Святая и духовная жизнь, какъ начало воскресенія.

Въ христіанинѣ живутъ и дѣйствуютъ, составяются и взаимно противодѣйствуютъ два начала: одно грѣховное, унаслѣдованное отъ падшаго прародителя и называемое въ писаніи ветхимъ человѣкомъ, а другое святое и духовное, принятое въ крещеніи отъ Святаго Духа и питаемое всѣми прочими таинствами, въ особенности трапезою Тѣла и Крови. Грѣховное начало есть причина смерти и даже сама смерть, а начало духовное и святое есть причина воскресенія и даже сама жизнь, само воскресеніе.

Не подлежитъ сомнѣнію, что грѣхъ есть извращеніе и разстройство, а разстройство есть начало разрушенія и смерти. По сей-то причинѣ въ Ветхомъ Заветѣ внушалось такое отношеніе къ останкамъ умершаго человѣка, что не только трупъ считался скверной, но считалось оскверненнымъ и все къ нему прикасающееся: смерть есть торжество грѣха, мертвое тѣло есть достояніе грѣха, его добыча, его крайнее выраженіе, его сосудъ, наиболѣе соотвѣтственный его существу, и посему оскверненіе, происшедшее отъ прикосновенія къ мертвому тѣлу, очищается жертвою о грѣхѣ (Числ. 6, 11). Израильтяне время пророка Іезекіиля говорили о себѣ: *прелести наша и беззаконія наша въ насъ, и мы въ нихъ таемъ, и какъ намъ живымъ быти* (Іезек. 33, 10)? Въ этихъ словахъ грѣхъ представляется какъ бы огнемъ, истощающимъ крѣпость человѣка и жизненную силу его. Тотъ же домъ Израилевъ говоритъ о себѣ: *сухи быша кости наша, погибѣ надежда наша, убіени быхомъ* (37, 11), конечно, въ сознаніи того, что эта сухость костей, безнадежность и безжизненность суть послѣдствіе все того же мертвящаго и иссушающаго огня, подъ образомъ котораго представляются (въ вышеприведенныхъ словахъ 33 гл. 10 ст.) грѣховныя заблужденія и беззаконія. Грѣхъ иссушаетъ душу и все существо человѣка, тогда какъ праведность и добродѣтель дѣлаютъ его подобнымъ древу, насаж-

денному при источникахъ водъ, которое приносить плодъ свой во время свое, и листь котораго не вянетъ (Пс. 1, 3). Во дни пророка Іезекііля, когда народъ израильскій испилъ чашу гнѣва Божія, которымъ онъ обреченъ былъ на *рыданіе, жалость и горе* (Іезек. 2, 10), особенно уяснилось, что эти бѣдствія и смерть суть не только отвнѣ, отъ правосудія Божія, наложенное наказаніе грѣха, но и естественное послѣдствіе его, какъ бы продолженный и окончательно торжествующій грѣхъ. Отсюда уясняется смыслъ видѣнія мертвыхъ изсохшихъ костей, покрывавшихъ обширное поле и ожившихъ по слову пророка Іезекііля отъ дуновенія Духа Божія (37 гл.). *Сія кости весь домъ Израилевъ есть*, а за нимъ и все чело- вѣчество, такъ какъ прочіе народы были не лучше, а еще хуже народа Божія (ст. 11). Сухость костей изображаетъ то, что всѣ люди находятся въ состояніи грѣховности и смерти, подъ властію грѣха, лишшающаго ихъ жизни, подъ осужденіемъ смерти, истекающей изъ грѣха. Кости оживаютъ чрезъ сообщеніе имъ духа жизни, того самаго дыха- нія жизни, которое сообщено было прародителю божествен- нымъ дуновеніемъ (Быт. 2, 7; Іезек. 37, 5). Но Адамъ, ставши чрезъ это дуновеніе „душею живою“, не устоялъ въ праведности, подчиился грѣху и подпалъ смерти. Посему, изводи челоуѣка изъ области грѣха и смерти, Господь не только вводитъ въ него *духъ животенъ* (этотъ даръ Божій легко утрачивается людьми чрезъ грѣховное паденіе, причи- няющее смерть); Онъ присоединяетъ дарованіе *Своего Духа: дамъ духъ мой въ васъ* (ст. 6). Дѣйствіе Духа Господня со- стоитъ не только въ возвращеніи сухимъ костямъ той жизни, которая ими утрачена, но и въ сообщеніи имъ новой жизни, которая изображена у пр. Іезекііля въ предшествующей гла- вѣ. *Духъ мой дамъ въ васъ*, говоритъ тамъ пророкъ отъ лица Божія, *и сотворю, да въ заповѣдяхъ моихъ ходите, и суды моя сохраните* (36, 26—27). Такъ какъ жизнь утрачиваема была людьми чрезъ грѣхъ, то, желая сообщить людямъ *вѣчную* жизнь, Господь водворяетъ въ нихъ Своимъ богатнымъ

дѣйствиємъ начало истинной святости, даетъ имъ сердце новое и духъ новый, и отнимаетъ у нихъ сердце каменное и даетъ имъ сердце плотяное, воспримчивое къ истинѣ и покорное божественнымъ повелѣніямъ (тамъ же). Это начало святости и служить основаніемъ и залогомъ будущаго блаженнаго воскресенія христіанъ, потому что святость или праведность такимъ же точно образомъ производитъ изъ себя жизнь, какъ, напротивъ, грѣхъ производитъ изъ себя смерть. *Оброцы грѣха смерть*, говоритъ апостоль, *дарованіе же Божіе* (праведность, даруемая Богомъ) *животъ вѣчный* (Рим. 6, 23). Так. обр., видѣніе оживающихъ костей есть образное представленіе нравственнаго обновленія Израиля и всего человѣчества, благодатнаго освященія Духомъ Господнимъ падшаго человѣческаго существа; но въ этомъ случаѣ и образъ (кости, сначала мертвыя, потомъ совокупляющіяся и востающія въ видѣ собора многого зѣло, Іез. 37, 10) не есть что либо, только воображаемое, но будущая дѣйствительность,—именно такъ востануть изъ могильнаго праха христіане, воспріявшіе и сохранившіе въ себѣ начало святости, этотъ залогъ блаженнаго воскресенія.

То, что созерцаемо было Іезекіилемъ въ пророческомъ видѣніи, стало событіемъ дѣйствительнымъ въ Новомъ Завѣтѣ, когда во Христѣ явилась вѣчная жизнь, которая „была у Отца и явилась намъ“ (1 Іоан. 1, 2). Уже не пророку повелѣвается прорещи на кости сухія, но Самому Сыну Божію ввѣряется отъ Бога Отца оживотворить омертвѣвшее человѣчество, призвавъ его къ Себѣ и вложивъ въ него начало Своей божественной жизни. Нельзя отрицать, что есть нѣкоторое соотношеніе съ видѣніемъ Іезекіиля въ слѣдующихъ словахъ истиннаго Жизнодавца: *урадетъ часъ, и нынѣ есть, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ* (Іоан. 5, 25). Оживотвореніе человѣчества, находящагося въ области грѣха и смерти, стало совершаться (и нынѣ есть) по гласу или призыву Христа (какъ нѣкогда оживотвореніе костей совершалось по слову пророка, назы-

завшагося въ образъ Христа сыномъ человѣческимъ (Иезек. 37, 3 и др.), раздавшемся въ евангельской проповѣди. Оживотвореніе мертвыхъ по этому гласу поставляется въ зависимость отъ ихъ послушанія,—не всѣ, находящіеся въ состояніи омертвѣнія, оживутъ, но только тѣ, которые услышатъ, или послушаютъ (*οἱ ἀκούοντες*); гласъ Сына Божія, призывающій людей къ жизни, есть гласъ Учителя и Проповѣдника, и посему спасителенъ и животворенъ только для внимающихъ и послѣдующихъ ему. Такимъ образомъ, сообщеніе людямъ жизни по словамъ Христа зависитъ не только отъ неистощимой благодати и щедрости Подающаго, но и отъ свободнаго желанія воспріемлющихъ, которые являются мертвыми влѣдствіе иссушающей и сковывающей ихъ болѣзни грѣха, но которые не лишены возможности желать себѣ истинной жизни и внимать призыву Сына Божія.

Нѣсколько ниже въ той же бесѣдѣ (по поводу исцѣленія разслабленнаго) Христосъ говоритъ: *рядетъ часъ, въ онъже вси сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія, и изыдутъ, сотвориши благая въ воскресеніе живота, а сотвориши злая въ воскресеніе суда* (ст. 28—29). И здѣсь говорится о гласѣ Сына Божія, но не присоединяется, что время его уже настало, и нынѣ есть, такъ какъ этотъ гласъ раздается въ отдаленномъ будущемъ, когда Сынъ Божій явится не проповѣдникомъ животворной истины, но судіею живыхъ и мертвыхъ. И здѣсь говорится о возстаніи и исшествіи изъ гробовъ, но этому подвергнутся не только желающіе и ожидающіе востанія, а потому и послушные „гласу“, но и отвращающіеся и трепещущіе его; востанутъ не только сотвориши благая—въ воскресеніе живота, но и сотвориши злая—въ воскресеніе суда. Ясно, что здѣсь говорится уже не о томъ животвореніи омертвѣвшаго человѣчества, которое стало совершаться со времени перваго пришествія въ міръ Сына Божія, но о томъ всеобщемъ возстаніи умершихъ, которое послѣдуетъ во время втораго пришествія Его и будетъ сопровождаться страшнымъ судомъ. Какая же связь между двумя

указанными „гласами“ Сына Божія, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ къ Его спасительной дѣятельности, а другой къ дѣятельности Его, какъ Судіи и Мздовоздаятеля? Эта связь устанавливается чрезъ понятіе жизни, и именно слѣдующимъ образомъ: *сотворшии благая*, т. е., воспріявшіе въ себя жизнь по первому гласу Сына Божія (раздавшемуся въ проповѣди евангельской), *изыдутъ въ воскресеніе живота*, въ воскресеніи ихъ проявится совершеннѣйшимъ образомъ воспріятая ими раньше отъ Христа жизнь; *а сотворшии злая* (изыдутъ) *въ воскресеніе суда*, т. е., въ ихъ несчастномъ и жалкомъ воскресеніи проявится заслуженное ими осужденіе.

Изъ противопоставленія жизни и осужденія усматривается, какое вообще понятіе о жизни свойственно новозавѣтному Писанію. Мы привыкли думать и говорить, что живетъ все, что движется и чувствуетъ, куда бы оно ни двигалось, какъ бы ни чувствовало. Въ этомъ слыслѣ жизнь можетъ быть свойственна и трупу, когда въ своемъ гніеніи онъ порождаетъ червей, его пожирающихъ. Не таково понятіе о жизни, сообщаемое между прочимъ вышеприведенными словами Иисуса Христа, въ которыхъ жизнь противопоставляется не безчувственности и неподвижности мертвеца, но осужденію, слѣдовательно, грѣховности и невѣрію (Іоан. 3, 18): жизнь есть состояніе оправданія, праведности и святости. Она есть такое благоустройство духовно чувственнаго бытія, когда все развивается въ высшемъ направленіи, обращается къ истиннымъ цѣлямъ. Въ томъ состоитъ жизнь, чтобы умъ питался истиннымъ боговѣдніемъ (*се же есть животъ вѣчный, да знаютъ тебе, единого истиннаго Бога*, 17, 3), сердце пламенѣло любовью къ Богу и ближнему (1 Іоан. 3, 14), чтобы тѣло не угнетало духа, но служило ему. Такое благоустройство бытія можетъ быть почерпнато людьми только въ единеніи съ ипостаснымъ Словомъ, о Которомъ сказано: *въ томъ животъ бж, и животъ бж свѣтъ чловѣкомъ* (Іоан. 1, 4). Въ Немъ источникъ этой истинной (а потому и вѣчной)

жизни, и всякій, въ комъ течетъ ея струя, несомнѣнно научался и заимствовалъ отъ Слова.

Апостолъ Павелъ, разсуждая о будущемъ воскресеніи мертвыхъ, говоритъ: *ина слава солнцу, ина слава лунѣ, и ина слава звѣздамъ: звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славу: такожде и воскресеніе мертвыхъ* (1 Кор. 15, 41—42). Различна будетъ у воскресшихъ степень славы или безславія, силы или немощи (ст. 43). Послѣ сказаннаго выше понятна причина такого различія. Въ воскресеніи совершеннѣйшимъ образомъ проявится или воспринятая нами отъ Христа жизнь (если это есть *воскрешеніе живота*), или грѣховное разстройство (если это *воскрешеніе суда*). Но такъ какъ жизнь, понимаемая въ евангельскомъ и апостольскомъ смыслѣ, есть праведность и святость, не простое бытіе одушевленнаго существа, но высшее благоустройство духовно-чувственнаго бытія, то ясно, что въ отдѣльныхъ людяхъ она можетъ быть то въ большей, то въ меньшей степени и мѣрѣ, и что степень и мѣра жизни есть не что иное, какъ степень и мѣра славы и силы въ будущемъ воскресеніи. Такъ какъ, далѣе, слава воскресенія строго будетъ соотвѣтствовать праведности и святости человѣка, то изъ этого уясняется, что въ каждомъ христіанинѣ по мѣрѣ борьбы его съ грѣхомъ, по мѣрѣ торжества въ немъ добродѣтели (Кол. 3, 9—10), зрѣетъ новая форма бытія, слагается способъ и образъ будущаго воскресенія, воспитывается и опредѣляется гражданецъ будущаго обновленнаго міра.

Укажемъ важнѣйшіе моменты въ исторіи этого созрѣванія новаго человѣка. На первомъ мѣстѣ стоитъ крещеніе. Въ этомъ таинствѣ новый человѣкъ рождается, иначе говоря, въ человѣкѣ, уже рожденномъ отъ плоти, зачинается и рождается иная, не плотская, а духовная жизнь (Іоан. 3, 3—8). Всѣ, во Христа крестившіеся, во Христа облеклись (Гал. 3, 27), сдѣлались подобны Христу, стали носить образъ Христа, тогда какъ дотолѣ по силѣ плотскаго рожденія носили только образъ Адама. Такъ положено начало нашему буду-

щему славному воскресенію, которое, по ап. Павлу, будетъ состоять въ томъ, что мы окончательно облечемся во образъ небснаго (Христа), якоже облекухомся во образъ перстнаго (Адама, 1 Кор. 15, 49). Въ крещеніи произошло обновленіе нашей жизни, но не чрезъ одну рѣшимость нашей воли подражать Христу, а чрезъ то, что мы тогда соединились, какъ бы срослись со Христомъ (*ἑνωμένοι*, Рим. 6, 5), какъ розги съ лозою (Іоан. 15, 1—6), что мы стали членами тѣла Его (*во едино тѣло крестихомся*, 1 Кор. 12, 13), что намъ сообщена, въ существо наше внѣдрена жизнь Христова, *да некому себѣ живемъ, но умершему за насъ и воскресшему* (2 Кор. 5, 15), или, по слову того же апостола, *живу не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. 2, 20). Изъ этихъ апостольскихъ изреченій еще яснѣе станвится, что обновленіе жизни, совершающееся въ крещеніи, есть начало славнаго воскресенія, ибо оно совершается чрезъ сообщеніе намъ жизни Христовой, и жизнь Христова есть жизнь Побѣдителя смерти, восторжествовавшаго надъ смертію воскресеніемъ. Посему-то праздникъ Христова воскресенія есть вмѣстѣ праздникъ и нашего будущаго воскресенія, ибо то и другое воскресеніе (если ихъ можно разсматривать отдѣльно) есть торжество одной и той же Христовой жизни, сначала во Христѣ, какъ въ началѣ умершихъ (1 Кор. 15, 20), а потомъ въ насъ. Посему-то въ пасхальныхъ пѣснопѣніяхъ о воскресеніи христіанъ говорится такъ, какъ бы оно уже совершилось: *Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ—сущымъ во гробѣхъ животъ даровавъ* (Ср. Іоан. 5, 28).

Уничтоженіе грѣховности изображается въ апостольскихъ посланіяхъ, то какъ умерщвленіе дѣяній плоти (Рим. 8, 13), то какъ умерщвленіе земныхъ членовъ (Кол. 3, 5), то какъ распятіе плоти со страстями и похотями (Гал. 5, 24), то какъ совлеченіе ветхаго человѣка (Кол. 3, 9), отложеніе прежняго образа жизни ветхаго человѣка (Еф. 4, 22). Въ этой борьбѣ съ ветхимъ человѣкомъ и совершается созрѣ-

ганіе челоуѣка новаго для жизни вѣчной, ибо „если внѣшній нашъ челоуѣкъ и тлѣеть, то внутренній со дня на день обновляется, кратковременное легкое страданіе наше производитъ въ безмѣрномъ преизбыткѣ вѣчную славу“ (2 Кор. 4, 16—17). Такъ, путемъ страданій и самоотреченія, „взирая на славу Господню, преображаемся мы въ тотъ же образъ“ (все болѣе облакаемся во Христа, все болѣе сообразуемся Ему) „отъ славы въ славу“ (приближаясь къ славѣ воскресенія, 3, 18), пока Господь „униженное тѣло наше преобразитъ такъ, что оно будетъ сообразно славному Тѣлу Его“ (Филип. 3, 21), пока „жизнь Иисуса откроется въ тѣлѣ нашемъ“ (2 Кор. 4, 10).

Всякая жизнь нуждается въ питаніи. Такъ, плотская жизнь питается вещественной пищей, хотя эта послѣдняя и не спасаетъ ея отъ смерти: *отцы ваши ядоша манну въ пустыни, и умроша*, говоритъ Христосъ (Іоан. 6, 49). Для питанія новой и святой жизни въ челоуѣкѣ Господь предаетъ Самого Себя во вкушеніе вѣрующимъ въ Него въ таинствѣ Плоти и Крови. Въ нашихъ пасхальныхъ пѣснопѣніяхъ Иисусъ Христосъ постоянно прославляется, какъ наша Пасха, пасхальный Агнецъ, причащеніе Котораго не ограничивается временемъ нашей земной жизни, но будетъ совершаться и въ торжествующемъ, вѣчномъ царствѣ Его, совершаться нѣкоторымъ превосходнѣйшимъ образомъ: *о Пасха велия и священнѣйшая, Христе, воспѣваемъ мы, подавай намъ истѣе тебе причащатися въ невечернемъ дни царствія твоего*.

Созрѣвая въ борьбѣ съ ветхимъ челоуѣкомъ, возрастая въ мужа совершеннаго чрезъ таинства, внутренній новый челоуѣкъ, носитель вѣчной жизни, гражданинъ (по славянски *житель*) будущаго обновленнаго міра, приходитъ къ тому времени, когда ветхому должно быть отдано ветхое, перстному перстное, когда тѣло должно умереть, выйти изъ своего соединенія съ духомъ челоуѣка. Для истиннаго христіанина, внутренній челоуѣкъ котораго не побѣжденъ грѣховно-плотскимъ началомъ и питался Плотію и Кровію Господа, разлу-

ченіе съ тѣломъ не страшно потому, что въ немъ и для него уготована уже другая форма бытія,—вмѣсто отлагаемаго образа перстнаго человѣка онъ имѣетъ въ себѣ образъ небснаго. Горе было бы ему только въ томъ случаѣ, еслибы онъ, отлагая, свергая съ себя ветхую оболочку ветхаго человѣка, не носилъ въ себѣ свѣтлаго образа Христова. *Якоже облекохомся во образъ перстнаго* (Адама), говоритъ ап. Павелъ, *да облечемся и во образъ небснаго* (Христа, 1 Кор. 15, 49). А чтобы не подумали, будто образъ небснаго принять будетъ нами только при всеобщемъ воскресеніи, ранѣ того не уготовляемый и не созидаемый, онъ повелѣваетъ съ настоящаго времени облекаться (болѣе и болѣе) въ новаго человѣка (Еф. 4, 24; Кол. 3, 10). Если мы это дѣлаемъ, то при разрушеніи земной тѣлесной храмины (называемомъ смертію) окажется, что мы имѣемъ уже несравненно лучшую храмину, вмѣсто земного жилища имѣемъ небсное, образъ небснаго Христа, имѣющій явиться въ наибольшей славѣ при всеобщемъ воскресеніи, но и теперь уже не отземлемо на вѣки намъ принадлежащій. *Вѣмы*, говоритъ ап. Павелъ, *яко аще земная наша храмина тѣла разорится, созданіе отъ Бога имамы, храмину нерукотворенну, вѣчну на небснхъ* (2 Кор. 5, 1). Называя храминой сначала тѣло (въ ст. 4 по русск. „хижина“), которое не только служитъ мѣстопробываніемъ души, но и сообщаетъ качественную опредѣленность ея земному бытію, апостоль даетъ намъ усмотрѣть, что и подъ другою, небсною храминою должно разумѣть нѣкоторое высшее состояніе души, нѣкоторую превосходнѣйшую качественную опредѣленность ея, которая будетъ принадлежать душѣ вѣчно (*вѣчну*) и, какъ все совершеннѣйшее, является даромъ Божиимъ (*отъ Бога*) и мыслится на небснхъ (*на небснхъ*). На землѣ христіанинъ одѣтъ въ одежду тѣла; занявшись исключительно охраненіемъ и украшеніемъ этой одежды, онъ можетъ оставить заботу о снисаніи иной вѣчной одежды для души. Тогда онъ при на-

ступленіи смертнаго часа, при разлученіи съ тѣломъ столь же глубоко и тяжело почувствуетъ наготу своей души, какъ нѣкогда почувствовалъ наготу прародитель, ощутивши въ себѣ безобразіе грѣха. Какъ бы намъ, предостерегаетъ апостоль, будучи одѣтыми во временную оболочку тѣла, не оказаться обнаженными отъ вѣчнаго и благолѣпнаго одѣянія души, состоящаго въ образѣ Христа! „Чертогъ твой вижду, Спасе мой, говоритъ кающійся христіанинъ, и одежды не имамъ, да вниду въ оны.—Аще дерзну совнѣти въ чертогъ, одежда мя облачаетъ, яко нѣсть брачна“.

Христіанинъ желаетъ совлечься не иначе, какъ съ тѣмъ, чтобы облечься. Это и служитъ обоснованіемъ словъ: *да не нази обрящемся*. Мы ужасаемся наготы; если мы воздыхаемъ въ одеждѣ этого тѣла, если ищемъ совлеченія ея, то лишь въ надеждѣ на лучшее одѣяніе. Мы имѣемъ желаніе *разрѣшиться*, но только для того, чтобы *со Христомъ быти* (Фил. 1, 23). Мы не стремились бы къ отшествію изъ этой жизни, если бы не имѣли въ виду вступленія въ новую лучшую. Въ чемъ же обнаруживается превосходство этой новой жизни, преимущество небснаго жилища, дома перукотвореннаго и вѣчнаго (ст. 1 и 2), предъ земнымъ нашимъ домомъ, предъ хижиною этого тѣла? Въ томъ, что въ ней не будетъ мертвенности,—все мертвенное будетъ поглощено жизнію. Какою жизнію? Тою, которая зародилась въ крещеніи, которая созрѣвала въ борьбѣ съ грѣховно-плотскимъ началомъ, питаема была Плотію и Кровію Христа, равно какъ и благодатію всѣхъ прочихъ таинствъ и которая поглощаетъ, истребляетъ и уничтожаетъ въ человѣкѣ все грѣховное и мертвенное, лишь только возобладаетъ въ немъ. Будучи святою, она борется въ человѣкѣ съ грѣхомъ и побѣждаетъ его; совмѣщая въ себѣ праведность съ миромъ и радостію о Духѣ Святомъ, она является въ бытіи загробномъ, какъ блаженство праведника; будучи духовной и вѣчной, она восторжествуетъ во время всеобщаго воскресенія чрезъ дарованіе христіанину тѣла

духовнаго вмѣсто тѣла душевнаго, тѣла безсмертнаго вмѣсто смертнаго. *Тогда будетъ слово написанное: пожерта бысть смерть побѣдою* (1 Кор. 15, 54). *С. Кохомскій.*

О благоговѣнномъ стояніи въ церкви во время богослуженія.

Благоговѣнно - молитвенное настроеніе молящихся въ церкви во время богослуженія иногда нарушается переходами съ мѣста на мѣсто, особенно дѣтей, разговорами женщинъ и т. п. Для устраненія этого и поддержанія порядка при церковныхъ службахъ самую дѣйствительную мѣрою надобно признать примѣръ благоговѣйнаго поведенія въ храмѣ самихъ священно-церковно-служителей и особенно стоящихъ на клиросѣ на виду у всѣхъ,—діаконовъ и псаломщиковъ; затѣмъ много значитъ истовое и благоговѣнное совершеніе церковныхъ службъ, при внѣшней благолѣпной обстановкѣ, какъ: хорошія священныя одежды, надлежащее освѣщеніе, чистота во всемъ храмѣ, стройное пѣніе и неспѣшное, толковое чтеніе. Священники всячески должны заботиться о наилучшей постановкѣ церковнаго чтенія и пѣнія, чтобы молящіеся слышали не звуки только, не имѣющіе смысла, и не мотивы, а члено-раздѣльно всѣ слова молитвъ и пѣснопѣній. Особенную важность въ дѣлѣ нравственнаго воздѣйствія на упорядоченіе поведенія молящихся представляетъ общее пѣніе въ церкви, когда, по возможности, всѣ молящіеся принимаютъ дѣятельное участіе въ возвошеніи молитвъ къ Богу не только сердцемъ и помышленіемъ, но и устами. При всемъ томъ необходимы и чисто внѣшнія мѣры для соблюденія порядка и тишины въ храмѣ. Таковыми мѣрами слѣдуетъ признать: а) раздѣленіе молящихся на группы по полу,—на правой сторонѣ должны стоять мужчины, а по лѣвой женщины, дѣти же, лѣтъ до

14—15, непременно впереди взрослыхъ, подъ наблюдениемъ старшихъ; б) наблюдение за молящимися со стороны церковн. старосты и его помощниковъ—избранныхъ, почтенныхъ людей. Они могутъ скромно остановить разговоры и смѣхъ невоздержныхъ, хожденіе по церкви, несвоевременный выходъ изъ церкви и проч. Само собою разумѣется, всѣ священники обязаны въ церковныхъ поученіяхъ и при внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ научать прихожанъ внѣшнему порядку во время молитвы,—особенно дѣтямъ, обучающимся въ школахъ, внушать страхъ Божій вообще и въ частности—благоговѣйное уваженіе къ храму Божию.

(Костром. Еп. Вѣд. 1898 г. № 3).

Изъ путевыхъ разговоровъ.

Во время моихъ путешествій по сѣвернымъ губерніямъ Россіи, и не однажды проѣзжалъ Ник.... уѣздомъ В....ой губерніи. Въ послѣднюю мою поѣздку я нанялъ лошадей въ одной деревнѣ П., въ 25-ти верстахъ отъ уѣзднаго города. Обративъ вниманіе на сплошную новую постройку этой деревни, я спросилъ своего ямщика: „послушай, другъ, ваша деревня называется П.? Мнѣ помнится, что постройка была не важная въ вашей деревнѣ, а теперь все новая...“.

„Эхъ, господинъ! Посѣтилъ насъ пожаромъ Господь, не осталось послѣ него ничего.... Несчастье это было три года назадъ. Въ самый Христовъ день въ заутреню, всѣ мы молились въ храмѣ (старъ и младъ оставались въ деревнѣ); загорѣлась наша деревня.... Пока намъ сказали, пока мы бѣжали къ рѣкѣ, что у самой деревни.... Глядь, на бѣду начался ледоходъ (съ вечера по льду еще мы къ „Дѣяньямъ“ прошли), и.... сгорѣла деревня на нашихъ глазахъ. У людей была радость на сердцѣ, праздникъ Господень для всѣхъ, а мы—погорѣльцы—хоть всѣ погибай! Жить было негдѣ, до-

мишки сгорѣли, скотинка задохлась, хлѣбушка нѣтъ.... Плачетъ, горюетъ народъ.... Да спасибо Царю и Царицѣ и батюшкѣ нашему, что жилъ въ несчастный годъ тотъ у насъ. Отецъ Николай для насъ малодушныхъ хранителемъ-ангеломъ былъ, многихъ отъ смерти голодной избавилъ, кормильцемъ—родителемъ былъ.... Вѣришь ли, баринъ, всѣ мы ходили за хлѣбомъ, совѣтомъ къ нему.... Самъ человекъ онъ не шибко богатый, только что домикъ купилъ, задолжался кругомъ.... А тамъ дѣти учились, надо одѣть ихъ, обувь и кормить.... Отдалъ свой хлѣбъ и занялъ, гдѣ могъ, задаромъ крестилъ, хоронилъ и вѣнчалъ, а тою порой принялись мы за стройку, избушки срубили—все ребятишкамъ пріютъ. Отецъ Николай научилъ насъ прошенье подать Государю Царю. И приказано было еще намъ лѣску отпустить. Ожили мы.... и къ Великому дню на другой годъ построились всѣ; а то бы ребятишки ходили безъ пріюта, да были бы наши хозяйки.... Живъ ли батюшка вашъ? спрашиваю я. Эхъ, господинъ! оставилъ насъ батюшка нашъ сиротами: переехалъ далеко,—зять, слышь, умеръ.... Кончилъ ученье, женился, посвятился, да не долго служилъ.... Двухъ дѣтокъ—сиротокъ оставилъ и молодую вдову, нашего батюшки дочь. Вѣришь ли, баринъ, прощался приходъ нашъ, плакали всѣ мы навзрыдъ (а наша деревня тѣмъ больше).... Дай ему Богъ послужить тамъ подольше, молимся всѣ мы. И сказалъ я: „да услышитъ Господь“!

Н. Кубасовъ.

В О З В А Н І Е.

Деревянная церковь во имя Преображенія Господня, въ селѣ Звѣровичахъ, Краснинскаго уѣзда, Смоленской губерніи, 4-го октября 1896 года сгорѣла. Причтъ и староста Преображенской церкви, желая устроить новый храмъ, но не имѣя на это собственныхъ церковныхъ суммъ и въ то же время не рассчитывая на помощь своихъ прихожанъ, кото-

рые по своей крайней бѣдности, отсутствію заработковъ и частыхъ въ послѣдніе годы неурожаевъ и градобитій, при всемъ ихъ усердіи, положительно не могутъ дать денежныхъ средствъ, находятся вынужденными обратиться, съ разрѣшенія своего Епархіального Начальства, къ сочувствію православныхъ христіанъ и слезно просятъ ихъ во имя Господне оказать свою посильную помощь денежными приношеніями на устройство новаго храма. Каждая лепта принята будетъ съ величайшею благодарностію и имена жертвователей будутъ записаны въ церковный синодикъ для вѣчнаго у престола Божія поминовенія. Христолюбивые благотворители, желающіе принять участіе въ дѣлѣ устройства храма, благоволятъ адресовать свои приношенія такъ: городъ Красный Смоленской губерніи въ село Звѣровичи Преображенской церкви священнику Константину Глѣбову со старостой.

Лем., Архимандритъ Іоанникій.

дозволяется. Кіевъ, 10 марта 1898 г.
Акад., прот. І. Корольковъ.
Крещатикъ, собств. домъ № 40.

го
жалъ
чался
прошли
была рад
мы—погор
Прео
но не
въ то же
канъ, кото